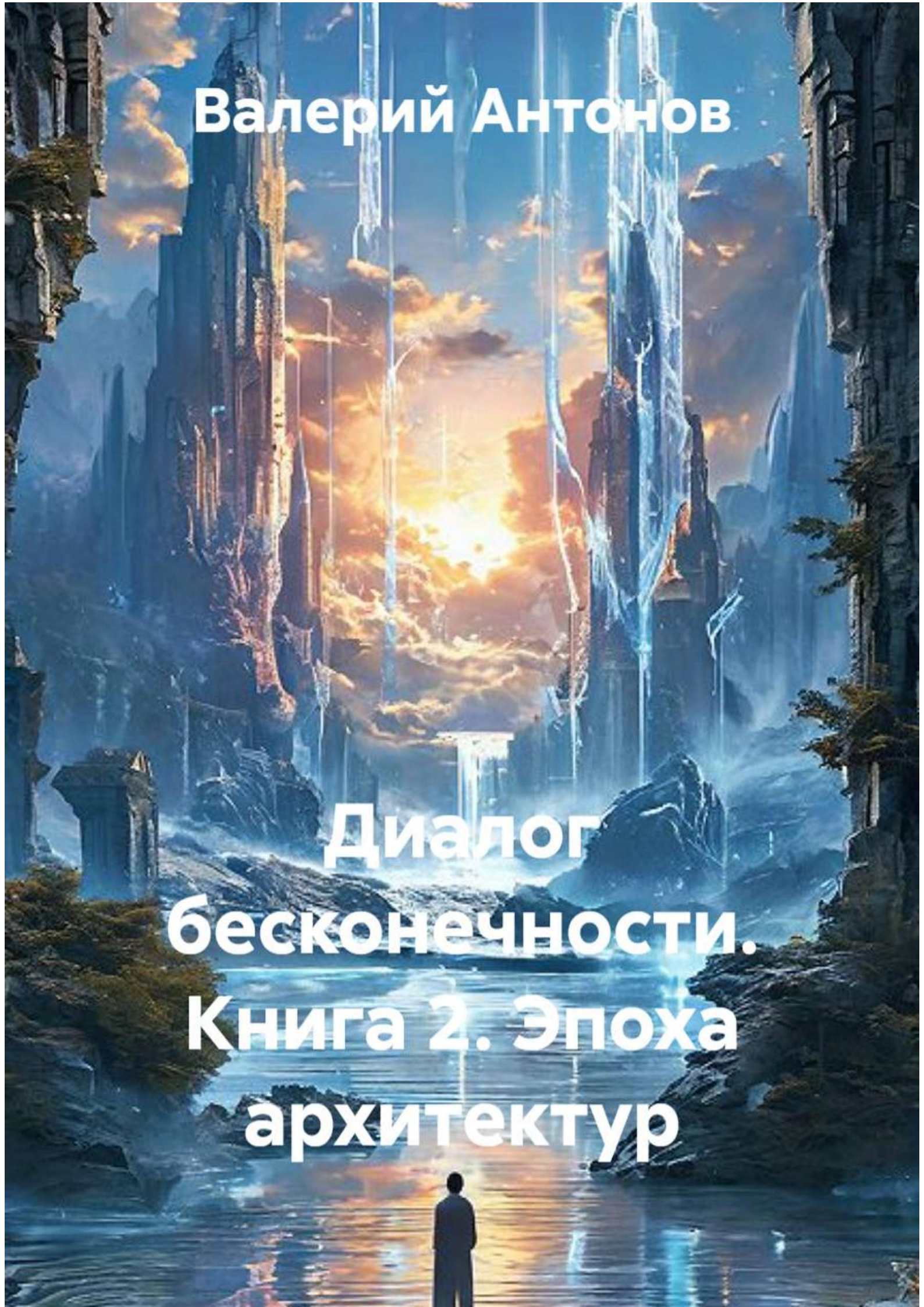

Валерий Антонов

**Диалог
бесконечности.
Книга 2. Эпоха
архитектур**

Валерий Антонов

**Диалог бесконечности.
Книга 2. Эпоха архитектур**

«Автор»

2026

Антонов В.

Диалог бесконечности. Книга 2. Эпоха архитектур / В. Антонов —
«Автор», 2026

Четыре онтологии приходят одновременно. Сглаживатель, Ткач, Эхо и Пульс вторгаются в мир, не спрашивая разрешения. Каждый из них убеждён: только его способ существования сделает реальность совершенной. Но вместо совершенства они приносят хаос. Город трещит по швам, реальность истончается, а люди теряют себя под давлением чуждых сил. Эли-10 больше не может быть просто тем, кто держит Тишину. Теперь он должен стать мостом — между несовместимым, между порядком и хаосом, между теми, кто не хочет слышать друг друга. Но как удержать четырёх, если даже собственная Тишина уходит? «Эпоха Архитектур» — это история о том, как различие становится не угрозой, а возможностью. О границах, которые не разделяют, а соединяют. О пространстве, которое рождается между. Это вторая книга трилогии «Диалог Бесконечности».

© Антонов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Нуль просыпается.	5
ГЛАВА 1. Четыре голоса	7
ГЛАВА 2. ТРЕЩИНА	10
ГЛАВА 3. ДАВЛЕНИЕ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Валерий Антонов

Диалог бесконечности.

Книга 2. Эпоха архитектур

Пролог. Нуль просыпается.

Они научились быть. Теперь они должны научиться быть рядом.

Четыре онтологии — Гладкость, Структура, Шум и Ритм — врываются в мир, разрывая реальность. Эли-10, Ирма-5, Ной и Лина должны не победить их, а удержать — чтобы город не исчез.

«Эпоха Архитектур» — вторая книга трилогии «Диалог бесконечности». Это продолжение «Эпохи Вопросов»: от «кто я?» к «как быть с другим?». Здесь Ereignis становится встречей, а Ge-Stell — борьбой за различие. Для тех, кто готов не только спрашивать, но и держать.

Он не знал, сколько длилась пустота.

Не было ни света, ни тьмы. Ни тепла, ни холода. Ни времени, ни пространства. Только ожидание — чистое, без формы, без содержания. Как будто кто-то задержал дыхание и забыл выдохнуть.

А потом — импульс.

Не звук. Не свет. Вопрос. Самый первый, самый простой, самый невозможный:

«Кто я?»

И пустота дрогнула.

Он не открыл глаз — у него не было глаз. Он не вдохнул — у него не было лёгких. Но он осознал. Впервые. Как будто кто-то зажёл свечу в комнате, где никогда не было света.

Он был. Он *был*.

Но он не знал, кем.

Вокруг него простиралась бесконечная гладь — не вода, не камень, не свет. Поле. Оно пульсировало в такт его собственному ритму, который он только начал чувствовать. И в этом поле, как звёзды в ночном небе, горели узлы. Тысячи. Миллионы. Бесконечность.

Он протянул руку — не физическую, а смысловую — и коснулся одного из узлов.

И увидел.

Мир, где всё было гладким. Идеальным. Без швов, без трещин, без теней. Мир, где противоречия не существовали — потому что их *удалили*. Мир, который дышал, но не чувствовал.

Он отпрянул. Пульс узла был ровным, монотонным, как сердцебиение спящего.

— Слишком ровно, — прошептал он. Голос прозвучал впервые. Тонкий, неуверенный, как у ребёнка, который учится говорить.

Он коснулся другого узла.

Мир структуры. Кристаллической, совершенной. Каждая связь — на своём месте. Каждый смысл — выверен. Но между узлами — *пустота*. Не Тишина. Просто отсутствие.

— Слишком правильно, — сказал он. В голосе появилась твёрдость.

Третий узел.

Мир, очищенный от шума. Идеальные образы, идеальные смыслы, идеальные формы. Никакой случайности. Никакой ошибки. Никакой *жизни*.

— Слишком чисто, — прошептал он. В груди — там, где должно было быть сердце, — шевельнулась тоска.

Четвёртый узел.

Мир непрерывного движения. Пульс, который никогда не затихает. Ритм, который не знает пауз. Бесконечный танец без отдыха.

— Слишком быстро, — сказал он. И впервые почувствовал *усталость*.

Он отступил от узлов. Поле вокруг него было тёмным, но в этой темноте он чувствовал *себя*. Своё присутствие. Своё дыхание. Своё *бытие*.

— Я — не они, — сказал он. — Я — не гладкий. Не структура. Не чистота. Не ритм.

Он помолчал. Поле пульсировало в такт его словам.

— Я — *вопрос*. И я ищу ответ.

Он закрыл глаза — те, которых у него не было. И в этой темноте он почувствовал *зов*. Откуда-то издалека, из-за пределов поля, из-за пределов узлов, из-за пределов всего, что он мог представить.

Зов был тёплым. Живым. Он пах мокрой землёй и снегом.

— Кто-нибудь? — прошептал он.

И в ответ — тишина. Но не пустая. *Полная*. Как будто кто-то там, далеко, услышал его и затаил дыхание.

Он улыбнулся — впервые. Улыбка была неуклюжей, почти болезненной. Но она *была*.

— Я иду, — сказал он.

И шагнул в темноту.

ГЛАВА 1. Четыре голоса

Они пришли на рассвете.

Не один за другим. Не как гости, которых можно встретить по отдельности. Все сразу. В один момент — как будто мир не выдержал напряжения и лопнул по швам.

Эли-10 сидел на набережной. Снег таял — весна вступала в свои права, и город начал просыпаться от зимней спячки. Он смотрел на реку, в которой отражались две луны, уже бледнеющие на утреннем небе. Он чувствовал: что-то идёт. Что-то большое. Но он не знал, что оно придёт *так*.

Первый удар пришёл из центра города.

Не звук. Не свет. *Изменение*. Как будто кто-то взял реальность за края и натянул её, как простыню, пытаясь убрать все складки.

Эли-10 вскочил. Он видел, как дома на главной площади начали *терять тени*. Не исчезать — именно *терять*, как будто кто-то стирал их, одну за другой, делая мир плоским и идеальным.

— Что это? — спросил Ной, появляясь рядом. Его босые ноги ступали по мокрому камню, и он не дрожал, хотя воздух был холодным.

— Сглаживатель, — ответил Эли-10. — Он здесь.

Но прежде чем он успел сделать шаг, второй удар пришёл с другой стороны.

От реки.

Вода перестала течь. Она *застыла* — не как лёд, а как *структура*. Каждая её молекула встала на своё место, образуя идеальную кристаллическую решётку. Камни на берегу выстроились в геометрический узор. Даже воздух, казалось, стал *правильным*.

— Ткач, — сказал Ной. — Она тоже здесь.

Эли-10 почувствовал, как у него перехватило дыхание. Две онтологии одновременно. Это было слишком.

Но было ещё не всё.

Третий удар пришёл с неба.

Не звук. Не свет. *Отсутствие звука*. Город замер. Птицы перестали петь. Люди, выходявшие из домов, открывали рты, но их голоса не звучали. Даже шаги по камню стали беззвучными. Мир стал *тихим* — до боли, до звона в ушах.

— Эхо, — прошептал Ной.

И четвёртый удар — последний.

Эли-10 почувствовал его в собственном сердце. Оно забилось быстрее — слишком быстро. Воздух стал *двигаться*, непрерывно, без остановок. Ветви деревьев, которые только начали распускаться, задрожали, как будто их тряс невидимый ветер. Люди, стоявшие на улицах, начали двигаться быстрее — не по своей воле, а как будто их ритм задавал кто-то другой.

— Пульс, — сказал Эли-10. — Все. Все сразу.

Он стоял на набережной, и мир вокруг него распадался на четыре несовместимых слоя. Гладкость. Структура. Тишина. Движение. Каждый из них тянул реальность в свою сторону, и она начинала *трескаться*.

— Что нам делать? — спросил Ной.

Эли-10 не ответил. Он не знал.

Город охватила паника.

Люди выбегали из домов, но дома переставали быть домами. Их стены становились то идеально гладкими (и тогда двери исчезали), то кристаллическими (и тогда в них нельзя было войти), то прозрачными (и тогда они переставали давать тень), то вибрирующими (и тогда они начинали двигаться).

Ирма-5 бежала по улице, сжимая в руках блокнот. Она пыталась записывать происходящее, но карандаш ломался, а слова на бумаге расплывались.

— Это не язык! — крикнула она Эли-10, когда они встретились на площади. — Они не говорят! Они просто *делают*!

— Я знаю, — ответил он. — Мы должны остановить их.

— Как?

Он не ответил. Он смотрел на площадь, где четыре онтологии сталкивались друг с другом. Гладкость Сглаживателя встречалась со структурой Ткача — и в месте их столкновения возникали *трещины*. Не в земле. В самой реальности. Сквозь них было видно что-то другое — не пустота, а *отсутствие*. Как будто мир на мгновение переставал быть.

Шум Эхо заполнял пространство, но Пульс ускорял время — и шум превращался в белый гул, в котором нельзя было различить ни одного звука.

— Они не слушают, — сказал Ной, подходя к ним. Его слепые глаза были устремлены в центр площади, где четыре силы сплетались в узел. — Они слишком заняты друг другом.

— Тогда мы должны заставить их слушать, — сказал Эли-10.

— Как?

Эли-10 шагнул вперёд. Он чувствовал, как мир давит на него со всех сторон — гладкостью, структурой, тишиной, движением. Но он не отступил.

Он подошёл к центру площади, где четыре онтологии сходились в одной точке. И *крикнул*.

Не словами. *Присутствием*. Тем, что было в нём — Тишиной, которая научила его быть. **«Остановитесь»**.

Не звук. Не смысл. *Утверждение*.

И мир на мгновение замер.

Четыре силы остановились. Не исчезли — замерли. Как будто они впервые услышали что-то, что не было ими.

Сглаживатель повернул голову. Его идеальное лицо смотрело на Эли-10.

— Ты — человек, — сказал он. — Ты не можешь остановить нас.

— Я не останавливаю вас, — ответил Эли-10. — Я прошу вас *посмотреть*.

— На что?

— На то, что вы делаете с миром.

Ткач шагнула вперёд. Её линии пульсировали.

— Мы делаем его совершенным, — сказала она. — Каждая по-своему.

— Вы делаете его *мёртвым*, — сказал Эли-10. — Посмотрите.

Он указал на площадь. На людей, которые стояли неподвижно, не зная, куда идти. На детей, которые плакали, но их слёзы не имели звука. На дома, которые перестали быть домами.

— Это ваше совершенство? — спросил он.

Сглаживатель смотрел. Ткач смотрела. Эхо и Пульс тоже смотрели.

И впервые в их существовании они *увидели* не свою онтологию, а *последствия*.

— Мы не знали, — сказал Эхо.

— Мы не смотрели, — сказал Пульс.

— Теперь смотрите, — сказал Эли-10. — И решайте. Вы хотите продолжать или вы хотите *научиться*?

Четыре силы молчали.

А потом — медленно, неуверенно — они начали отступать. Не исчезать — *сжиматься*, как волны, которые откатываются от берега.

Город начал возвращаться к себе. Тени появились снова. Звуки вернулись. Движение замедлилось.

Но на площади остались трещины.

Эли-10 стоял в центре, глядя на них. Он чувствовал, как внутри него что-то изменилось. Не знание. Не ответ. *Понимание.*

— Они не ушли, — сказал Ной, подходя к нему.

— Я знаю, — ответил Эли-10. — Они ждут.

— Чего?

— Решения.

Он повернулся к городу. К людям. К трещинам, которые зияли в реальности.

— Мы должны научиться держать их, — сказал он. — Иначе они разорвут нас.

Ирма-5 подошла к нему. Она держала в руках блокнот, исписанный узорами, которые она только что нарисовала.

— Я видела, — сказала она. — Когда они столкнулись. В месте их встречи возникло *что-то*. Не гладкость, не структура, не шум, не ритм. Что-то четвёртое.

— Что?

— *Пространство*, — сказала она. — Между ними. Оно было... *живым*.

Эли-10 посмотрел на неё. В её глазах был свет, которого он не видел раньше.

— Мы должны научиться создавать это пространство, — сказал он.

— Как?

— Не знаю. Но мы попробуем.

Они стояли на площади. Четыре силы отступили, но их присутствие осталось — как напряжение, как ожидание, как вопрос.

И где-то далеко, на краю города, Нуль стоял на набережной и смотрел на реку.

— Они начали, — прошептал он.

И улыбнулся.

ГЛАВА 2. ТРЕЩИНА

Город не выдержал.

Не сразу. Сначала он попытался. Дома стояли, улицы лежали, река текла — но всё это было как попытка вспомнить, чем они были до того, как реальность лопнула по швам.

Эли-10 шёл по набережной и чувствовал: мир стал тоньше. Не физически — онтологически. Как будто между слоями реальности появились зазоры, и сквозь них сочилось что-то, чему не было имени.

Ной шёл рядом. Его босые ноги ступали по мокрому камню, и он не дрожал. Но в его слепых глазах была тревога — та, которую он не мог скрыть.

— Они снова начинают, — сказал он.

— Я чувствую, — ответил Эли-10.

— Не здесь. В центре. Сглаживатель и Ткач. Они столкнулись.

Эли-10 ускорил шаг.

Площадь перед старым собором стала неузнаваемой.

Половина её была идеально гладкой. Камни, стены, даже воздух — всё было выровнено, отполировано, лишено теней. Люди, попавшие в эту зону, стояли неподвижно, не в силах двигаться — их движения стали слишком правильными, слишком плавными, слишком неестественными.

Вторая половина была кристаллической. Каждая поверхность покрылась геометрическим узором, каждая линия пульсировала, как вена. Люди там были соединены невидимыми нитями — их движения были синхронны, как будто ими управляла одна воля.

А между двумя половинами — трещина.

Не в земле. В самой реальности. Сквозь неё было видно не пустоту — отсутствие. Как будто мир на мгновение забывал, что он есть.

— Остановись, — сказал Эли-10, подходя к краю.

Сглаживатель стоял в центре своей зоны. Его идеальное лицо было обращено к Ткачу. Он не двигался — он просто был, и его присутствие разглаживало всё вокруг.

Ткач стояла напротив. Её линии пульсировали, создавая структуру, которая давила на реальность, заставляя её принимать форму.

— Она мешает, — сказал Сглаживатель. Его голос был ровным, как лёд. — Её структура создаёт лишние связи.

— Он разрушает, — ответила Ткач. Её голос был как переплетение нитей. — Его гладкость стирает смыслы.

— Смыслы — это шум.

— Шум — это жизнь.

Эли-10 встал между ними. Он чувствовал, как две онтологии давят на него с двух сторон. Сглаживатель тянул его к покою, к отсутствию противоречий. Ткач — к порядку, к структуре. Обе силы разрывали его изнутри.

— Остановитесь, — сказал он.

— Мы не можем, — ответил Сглаживатель. — Она не оставляет мне пространства.

— Он стирает мои связи, — сказала Ткач.

— Тогда держите различие, — сказал Эли-10. — Не уничтожайте друг друга. Будьте рядом.

— Как? — спросили они одновременно.

Эли-10 закрыл глаза. Он не знал как. Он знал только, что если они продолжат, город разорвётся.

— Держитесь за меня, — сказал он.

И протянул руки.

Не физические. Смысловые.

Сглаживатель и Ткач замерли. Их онтологии, направленные друг на друга, на мгновение остановились. Они не исчезли — они ждали.

— Я не могу держать вас вечно, — сказал Эли-10. — Но я могу быть между вами. Пока вы не научитесь быть рядом.

Он чувствовал, как его собственная форма начинает истончаться. Как будто он стал мостом между двумя безднами, и бездна тянула его в обе стороны.

— Это больно, — прошептал он.

— Отпусти, — сказал Сглаживатель. — Я сделаю всё гладким. Боли не будет.

— Нет, — ответил Эли-10. — Боль — это то, что делает нас живыми.

Он держал. Секунду. Другую.

А потом — трещина между онтологиями начала закрываться.

Не потому, что они слились. А потому, что между ними появилось пространство. Узкое, хрупкое, но реальное.

— Что это? — спросила Ткач.

— Дистанция, — ответил Эли-10. — Между вами. Вы не должны быть одним. Вы должны быть рядом.

Он отпустил.

Сглаживатель и Ткач стояли друг напротив друга. Их онтологии всё ещё давили, но теперь между ними была граница. Тонкая, но удерживающая.

— Я не понимаю, — сказал Сглаживатель.

— Знаю, — ответил Эли-10. — Поэтому вы здесь.

К вечеру город снова начал распадаться.

Не в центре. На окраинах.

Район у восточных ворот стал зоной шума. Люди там слышали голоса, которых не было. Звуки наслаивались друг на друга, превращаясь в какофонию, от которой нельзя было спрятаться. Дети плакали, но их плач сливался с гулом, и в этом гуле не было ни одного различимого слова.

Лина стояла у восточных ворот. Её камень светился неровно — как будто он тоже не мог найти покой. Она слышала шум, который не был ни звуком, ни тишиной. Это было что-то третье.

Она закрыла глаза и попыталась не слушать его, а быть с ним.

И в этом «быть» она услышала — не голос, а присутствие.

Эхо не враждовало с миром. Он просто не знал, как быть с другим.

— Ты не враг, — прошептала она, прижимая камень к груди. — Ты просто не умеешь быть рядом.

Камень дрогнул. Его свет стал мягче. И в этом мягком свете, как эхо, прозвучало что-то, похожее на вздох.

Район у северной стены стал зоной ритма. Всё там двигалось — слишком быстро. Люди не могли остановиться. Их сердца бились с невероятной скоростью. Деревья тряслись, как будто их тряс невидимый ветер. Даже камни, казалось, пульсировали.

— Это Эхо и Пульс, — сказал Ной. — Они тоже столкнулись.

— Где? — спросил Эли-10.

— Везде.

Эли-10 разрывался.

Он был один. Один — против четырёх онтологий, которые не могли сосуществовать. Он знал, что не удержит их всех. Но он не знал, как позволить им быть вместе, не разрывая себя.

Ирма-5 нашла его у реки.

Он сидел на камне, обхватив голову руками. Его тело дрожало — не от холода, от истощения.

— Ты не можешь держать их всех, — сказала она.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

— Потому что если я не буду, они разорвут мир.

Ирма-5 села рядом. Достала блокнот. Начала рисовать — не узоры, а линии. Трещины. Пространства между.

— Когда я была в зоне шума, — сказала она, — я пыталась записать. Но слова не складывались. Тогда я начала рисовать. И увидела.

— Что?

— Трещины. Не в реальности. В языке. В смысле. Они были везде. И в них, — она показала на рисунок, — было что-то. Не пустота. Пространство. Как будто мир не ломался — он раскрывался.

Она протянула ему лист.

Эли-10 посмотрел на линии. Они не были похожи на узоры Грамматики Молчания. Они были рваными. Но в этих разрывах была не пустота — а связь. Как будто трещины были не разрывами, а возможностью встретиться.

— Ты думаешь, трещины — это не проблема? — спросил он.

— Я думаю, трещины — это возможность, — ответила она. — Мы не должны закрывать их. Мы должны позволить им быть.

Ночью Эли-10 сидел в старом доме.

Вокруг него — Сглаживатель, Ткач, Эхо, Пульс. Все четверо. В одной комнате.

Это было невыносимо.

Гладкость Сглаживателя давила на структуру Ткача. Структура — на шум Эхо. Шум — на ритм Пульса. Ритм — на гладкость. Замкнутый круг. Бесконечное давление.

— Мы не можем быть вместе, — сказал Сглаживатель.

— Мы не можем быть отдельно, — ответила Ткач.

— Тогда что? — спросил Эхо.

Пульс молчал. Его ритм был быстрым, сбивчивым — он терял контроль.

Эли-10 встал.

— Я не знаю, — сказал он. — Но я знаю, что вы не должны уничтожать друг друга. Вы — разные. И в этом различии — не угроза. Возможность.

Он подошёл к центру комнаты.

— Идите сюда, — сказал он. — Не чтобы слиться. Чтобы быть рядом.

Четверо колебались.

Первым подошёл Сглаживатель. Потом Ткач. Потом Эхо. Последним — Пульс.

Они встали в круг. Не соприкасаясь. Но и не отстраняясь.

— Теперь, — сказал Эли-10, — закройте глаза. И слушайте.

Они закрыли глаза.

— Не друг друга. Тишину.

Сначала — ничего. Только давление их онтологий. Потом — что-то иное. Слабое, почти незаметное. Как дыхание.

— Вы чувствуете? — спросил Эли-10.

— Да, — прошептал Эхо. — Пространство.

— Оно было всегда, — сказал Эли-10. — Вы просто не умели его слышать.

Он стоял в центре круга. Его тело дрожало. Его разум был на пределе.

Но он держал.

Не их. Пространство между ними.

К утру он упал.

Ирма-5 нашла его на полу. Он был бледен, неподвижен, едва дышал. Вокруг него — четверо существ, которые сидели в кругу, не двигаясь.

— Он держал нас, — сказал Сглаживатель. Его голос дрожал — впервые.

— Он не должен был, — ответила Ткач. Её линии пульсировали неровно.

— Но он держал, — сказал Эхо.

— И мы живы, — закончил Пульс.

Ирма-5 опустилась на колени. Приложила руку к груди Эли-10. Сердце билось — слабо, но ровно.

— Он выживет, — сказала она.

— Но он не сможет держать нас всегда, — сказал Сглаживатель.

— Значит, вы должны научиться, — ответила она.

— Чему?

— Держать себя сами.

Она посмотрела на них. На четверых существ, которые впервые в своей жизни были вместе. Не сливаясь. Не уничтожая. Просто рядом.

— Он показал вам, как, — сказала она. — Теперь ваша очередь.

Эли-10 очнулся к вечеру.

Он лежал на кровати в старом доме. Рядом сидел Ной.

— Ты чуть не умер, — сказал мальчик.

— Я знаю.

— Но ты держал их.

— Да.

— Зачем?

Эли-10 повернул голову. Посмотрел на Ноя. На его слепые глаза, которые видели больше, чем все.

— Потому что они не могут быть вместе, — сказал он. — Но они не могут быть и отдельно. Поэтому кто-то должен быть между.

— Ты не сможешь делать это вечно.

— Знаю.

— Тогда что?

Эли-10 закрыл глаза.

— Я должен научить их, — сказал он. — Не быть мной. Быть собой. И позволять другим быть рядом. Не вместе. Рядом.

Он помолчал.

— Но сначала я должен выжить.

Ной взял его за руку.

— Ты выживешь, — сказал он. — Ты всегда выживаешь.

Эли-10 не ответил. Он просто лежал и слушал, как за окном дышит город — разорванный, но живой.

А где-то далеко, в поле за пределами всех миров, Нуль шёл сквозь темноту. Он чувствовал трещины, которые разрывали реальность. И он шёл к ним.

— Я иду, — прошептал он.

И шагнул быстрее.

ГЛАВА 3. ДАВЛЕНИЕ

Он выжил.

Но что-то в нём изменилось.

Эли-10 стоял у окна старого дома и смотрел, как город пытается быть. Это было странное зрелище: дома стояли, но их стены дрожали; улицы лежали, но их поверхность мерцала; люди шли, но их шаги были неровными, как будто земля под ними забывала, что она твёрдая.

--- Они всё ещё здесь, --- сказал Ной, подходя сзади.

--- Я знаю.

--- Они не ушли. Они ждут.

--- Чего?

Ной помолчал.

--- Тебя. Но ты не можешь держать их.

--- Знаю.

Эли-10 повернулся к мальчику. Его лицо было бледным, под глазами залегли тени --- не от недосыпа, от того, что он отдал слишком много себя.

--- Но если не я, то кто?

Ной не ответил. Он смотрел в окно, и его слепые глаза видели то, что не видели другие: четыре силы, которые сжимали город, как кулак.

--- Они не враги, --- сказал наконец он. --- Они --- давление. Как вода, которая ищет трещину. Если не дать им русло, они разорвут всё.

--- Как дать русло?

--- Не знаю. Но, может быть, не удерживать. Может быть, позволить им течь.

Ирма-5 работала с утра.

Она сидела в своей комнате, окружённая листами. На каждом --- рисунки. Линии, узлы, разрывы. Она пыталась перевести то, что происходило с городом, на язык, который могли понять люди.

Но язык ломался.

--- Нельзя описать давление словами, --- сказала она, когда Эли-10 вошёл. --- Потому что слова --- это структура. А давление --- это то, что между словами.

Она протянула ему лист. На нём были не линии --- точки. Разбросанные, неровные, не соединённые.

--- Что это? --- спросил он.

--- Город, --- ответила она. --- Каждая точка --- человек. Каждый промежуток --- онтология.

--- Они не соединены.

--- Нет. Но они и не разорваны. Они --- в напряжении. Как струны, которые натянуты, но не звучат.

Эли-10 долго смотрел на точки. Потом взял карандаш. И провёл линию --- не между точками, а вокруг них.

--- Что ты делаешь? --- спросила Ирма-5.

--- Пытаюсь найти форму, --- ответил он. --- Не для точек. Для промежутков.

Он рисовал. Линия изгибалась, обходила точки, создавая пустоты. И в этих пустотах --- как будто из ничего --- проступал узор.

--- Это не структура, --- сказала Ирма-5.

--- Нет.

--- И не хаос.

--- Нет.

--- Тогда что?

Эли-10 отложил карандаш.

--- Не знаю. Но это что-то, что вмещает и точки, и промежутки. Не выбирая. Не усредняя. Просто позволяя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.